

Ночь была черна, как тушь. Дремучий лес на горе Цзыцзинь* встревожился от вторжения незваных гостей. Тысячи перепуганных птиц разом сорвались с веток и с громким щебетом взмыли в непроглядную высь.

* Досл. «Пурпурово-золотистая гора», располагается в пригороде Нанкина.

Десятки ферганских коней* ворвались в горы, и воздух наполнился их непрерывным ржанием.

* Эти кони обладали огромной мощностью и выносливостью, а так же «потели кровью», что для китайцев стало признаком их божественного происхождения. Однако секрет заключался в том, что их кожу поедали паразиты, что и вызывало столь необычный эффект.

Стражи Цзиньивэй, сидя в седлах и рассредоточившись веером, тревожно смотрели на Тоба Фэна.

Он глухо произнес:

— Наша первостепенная задача — задержать главного преступника, Лань Юя. По нашим данным, силы противника насчитывают около четырёхсот человек. Они, вероятно, разделились на два отряда. Один отступает к вершине горы, другой — в северо-западном направлении от горы Цзыцзинь.

— Жун Цин и Чжан Цинь, возьмите по отряду...

Юньци резко оборвал его:

— Чжан Циня здесь нет.

Тоба Фэн прищурился и продолжил:

— Ту Мин займёт место капитана одного из отрядов. Мы разделимся на две группы для преследования и неожиданно атакуем их под покровом ночи. Когда капитан подтвердит личность Лань Юя, он выпустит сигнальную ракету*. Если Лань Юю удастся бежать, не преследуйте его. Нужно только выяснить, в каком он отряде.

* В оригинале досл. «жаровая труба» (□□), древнее огнестрельное оружие.

Ту Мин и Жун Цин, каждый со своим отрядом, поспешно двинулись в путь, оставив Тоба Фэна и Юньци на конях посреди поляны.

Тоба Фэн и Юньци молча смотрели друг на друга. Вдруг со всех сторон внезапно раздался

волчий вой. Тоба Фэн поднял голову, устремив взгляд вдаль. Тучи рассеялись, открыв серп молодого месяца.

В карих глазах Тоба Фэна отражались серебристые отблески на небе, когда он медленно произнёс:

— У Лань Юя есть заместитель по имени Закур, он родом из Западного края. Искусно владеет бронзовым мечом, неукротим в бою, а его храбрость не знает равных. Он обладает недюжинной силой и считается первым бойцом в их армии. Если он сопровождает Лань Юя, будь осторожен.

Юньци спросил:

— Сколько весит бронзовый меч?

Тоба Фэн ответил:

— Шестьдесят цзиней*.

* ~ 30 кг.

Юньци произнес:

— Тяжёлое оружие в бою уступает маневренному.

Тоба Фэн кивнул.

— Чжан Цинь... — начал было Юньци.

Внезапно на западе взмыла сигнальная ракета. Взрыв рассек темноту, и тут же донеслись приглушённые крики схватки. Тоба Фэн и Юньци мгновенно пришпорили коней и стремительно понеслись к месту сигнала!

— Арбалеты! — в панике скомандовал Лань Юй.

— Ну и когти же у этих цепных псов! — Закур, с головы до ног залитый кровью, взмахнул тяжёлым бронзовым мечом и отшвырнул ринувшегося вперёд стража Цзиньвэй, отправив его в полет!

Тот выплюнул кровь и откатился назад. Мгновенно ещё десять бойцов с клинками Сючунь бросились в атаку.

— Огонь!

Со звоном «дзинь-дзинь-дзинь» арбалетные болты устремились во все стороны. Клинки Сючунь взметнулись серебристым светом, заслоня летящие отовсюду стрелы непробиваемой стальной завесой*.

* Досл. «и капля воды не просочится» (□□□□).

— У цепных псов стальная подкладка под одеждой!

Закур закричал:

— Генерал! Прошу, уходите первым! Я вас прикрою!

Лань Юй глубоко втянул воздух и взревел:

— Как я могу уйти первым!

— Уходите! — воскликнул Закур.

Цзиньивэй вклинились в личную охрану Лань Юя, словно тигры в стадо овец. Ферганские скакуны были невероятно могучи, а мечам Сючунь не было равных в остроте. Они изрубили большую часть телохранителей.

Видя тяжелые потери своих, Закур рывкнул:

— Зять*! Защищай генерала и уходи первым! Живей!

* «Гуе» (□□), почтительное обращение к зятю, в данном случае Закур обращается к Чжан Циню, как к будущему мужу дочери Лань Юя.

Лань Юй издал горестный рёв, резко развернул коня и вырвался из окружения.

Стражи Цзиньивэй сомкнули кольцо вокруг Закура.

Тот, сплюнув кровавую пену, усмехнулся:

— Вы, кучка жалких прихвостней*! Напрягите свои последние силы и отведайте дедушкиного великого меча! Какая б на вас ни была броня, дед вас всех...

* Досл. «собачьи ноги» (□□).

Пронзительный волчий вой прорезал ночь.

— Второй отряд, ожидайте приказа!

— Все, кроме раненых, преследуйте заместителя генерала!

Юньци и Тоба Фэн вонзили шпоры в бока коней и вихрем помчались вперёд.

Несясь на лошади во весь опор, Юньци сорвал клинок с пояса и метнул его.

Тоба Фэн ловким движением поймал оружие на лету.

С мечом в каждой руке он резко взмахнул обеими кистями, сбросив ножны, и взмыл в воздух, выполнив красивейшее сальто вперёд.

Юньци же тем временем пронёсся сквозь кольцо стражей Цзиньивэй, резко свистнув.

Закур с рёвом развернулся, взмахнул бронзовым мечом и обрушил его на Юньци!

Казалось, удар вот-вот рассечёт и всадника, и коня, но тут сверкнули клинки Тоба Фэна!

Закур вынужденно отступил, парируя удар!

Два меча Тоба Фэна взвились в воздухе, словно волчьи когти в ночи, вычерчивая под луной серебристые следы. Его движения были плавными и свободными*.

* Досл. «плывущие облака и текущая вода» (□□□□).

Толпа стражей хором издала торжествующий возглас!

Гром металла прокатился в лунной ночи, точно рёв дракона. Закур яростно воскликнул и занёс меч у груди, но тут же его кости треснули под натиском удара, он отшатнулся и повалился назад!

Спустя всего несколько вздохов Юньци с отрядом из десяти Цзиньивэй без оглядки уехали прочь.

Тоба Фэн мягко приземлился, развернул запястья, и клинки, вычертив в воздухе изящные серебристые дуги, уставились остриями в Закура. Голос его прозвучал рассеянно:

— Имя вашего покорного слуги — Тоба Фэн, главарь этих прихвостней. Не откажите в совете.

Тем временем Юньци с двадцатью стражами мчался по следам Лань Юя, направляя коней к самому краю пропасти.

С противоположного утёса обрушился ливень стрел. Стражи хором взревели и, прикрывая головы и лица клинками, стеной из тел заслонили безоружного Юньци, стоящего позади.

На вершине утёса, с хищным прищуром, таились в засаде сотни арбалетчиков. Юньци мгновенно оценил обстановку и понял, что Лань Юй поступил как ящерица, отбросившая хвост, и оставил телохранителей прикрывать его, чтобы сбежать самому. Он отдал приказ:

— Защищайте меня, пока я прорываюсь туда, а потом разворачивайтесь и атакуйте, спускаясь вниз!

Цзиньивэй рассыпались в двух направлениях. Острые стрелы, бившие в пояс, задевали лишь стальную чешую под одеждой, но, даже находясь под защитой, грудь и живот Юньци отзывались тупой болью.

Пробив последнюю линию обороны, он спрыгнул с коня, кувыркнулся на земле и проскользнул к краю обрыва, устремившись вниз по склону. А стражи, каждый с мечом в руке, сомкнув строй, развернулись и ринулись в контратаку туда, где засели арбалетчики.

После первого весеннего дождя в отдаленной горной местности отпечатки сапог чётко застыли в сырой грязи. Юньци при лунном свете мгновенно определил, что с Лань Юем осталось лишь два телохранителя.

Лань Юй скрылся в лесу и блуждал из одной стороны в другую, по пути разрубая мечом колючие заросли. Его плащ был разорван в клочья, а сам он, военачальник, покоровшись своими боевыми подвигами север, позорно бежал, шлёпая по грязи, словно бездомный пес.

Чжан Цинь, прижимая к себе Лань Мо, молча следовал за Лань Юем.

— Папа... — невольно всхлипнула Лань Мо.

Лань Юй знаком велел ей молчать:

— Не бойся, Мо-эр. На этот раз мы точно прорвемся. Нам стоит лишь миновать гору Цзыцзинь и добраться до перевала Ньюшоу, там будет ждать подмога, и мы будем в безопасности.

Лань Юй положил руку на плечо Чжан Циня:

— Инхуэй*... Твой сегодняшний поступок я, Лань Юй, запомню в сердце навсегда...

* Вежливое имя Чжан Циня.

Чжан Цинь поспешно ответил:

— Генерал, вы преувеличиваете.

Пробиваясь сквозь заросли, Лань Юй горько вздохнул:

— Я-то полагал, что все Цзиньвэй — как тот мерзавец Сюй Юньци. Не думал, что ты, Инхуэй, прослужив пять лет, всё еще хранишь в сердце Мо-эр.

— Когда мы выберемся из столицы и спокойно достигнем озера Буир, я посватаю тебе Мо-эр. Как насчёт этого?

Услышав слова отца о помолвке, Лань Мо, хоть и находясь в смертельной опасности, невольно залилась румянцем. А вот на лице Чжан Циня мелькнула тревога. Он лишь сдержанно произнёс «Тесть» и умолк.

Трое продвигались вдоль отвесной скалы, приближаясь к низменности у подножия горы Цзыцин, где хребты встречались с речной равниной. Лань Юй улыбнулся и уже собирался что-то сказать, как вдруг издали донёсся предсмертный стон.

Чжан Цинь мгновенно побледнел:

— Закур погиб?

Лань Юй мрачно произнес:

— Отомстим за него потом. Пошли!

Чжан Цинь сказал:

— Тесть, берите Мо-эр и уходите! Я останусь здесь и задержу тех двоих!

Лань Юй ответил:

— Ни в коем случае! Закур погиб за меня, не оставив после себя ни жены, ни детей. Но если тебя схватят Тоба Фэн и Сюй Юньци, то ты подвергнешь опасности всю свою семью. Не смей поступать безрассудно!

Чжан Цинь, ещё недавно бросившийся предупредить возлюбленную о смертельной опасности, поступил так, руководствуясь внезапным порывом. Лишь сейчас он вспомнил, что вся его семья осталась в Нанкине. Если Чжу Юаньчжан позже займется расследованием этого дела, пожалуй, казнят все его девять родов. Он не удержался от дрожи.

Лань Юй, будто прочитав его мысли, усмехнулся:

— Что, мальчишка, теперь струсил? Ладно... Тесть вас прикроет. Бери Мо-эр и уходи!

Лань Мо в ужасе вскрикнула:

— Нет! Отец!

Чжан Цинь, стиснув зубы, опустился на одно колено:

— Сюй Юньци и Тоба Фэн мои близкие друзья. Генерал, уходите!

Лань Юй в гневе со смехом воскликнул:

— И после этого ты ещё смеешь питать себя несбыточными надеждами о дружбе? Просто смехотворно! Чжан Инхуэй! Я ошибался в тебе!

Чжан Цинь произнес:

— Быстрее, бегите же! Тоба Фэн и Юньци уже вместе убили Закура...

Сюй Юньци, сидя на ветке дерева, лениво усмехнулся:

— Лао Ба прикончил его сам. Что там за штаны или другая одежда*, меня не касается.

* Так как Закур — западное имя, «ку» (褲; kù) в его имени звучит по-китайски как «штаны» (褲; kù).

Лань Юй и Чжан Цинь мгновенно развернулись. Лань Юй с громким ревом поднял длинный меч и бросился вперед. Чжан Цинь отдернул Лань Мо за спину, выхватил из-за спины меч, и его лезвие сверкнуло холодным белоснежным блеском.

Юньци, ухватившись за ветку, легко перепрыгнул.

Лань Юй закричал:

— У него нет меча на поясе! Он лишь тянет время! Инхуэй! Давай, вместе прикончим его!

Чжан Цинь настороженно смотрел на Юньци, а Лань Юй, взмахнув мечом, бросился в атаку. Юньци же, с руками в рукавах, лишь уворачивался, улыбаясь:

— Дядя Лань, коль так, тогда чего вы деретесь? Вам бы уносить отсюда ноги...

Чжан Цинь покачал головой и взревел:

— Нет, тесть! Нельзя недооценивать врага!

— Ого! — Юньци встряхнул рукавом и вздохнул: — Брат мой, но равна и равна полоса этой чистой воды, друг на друга глядят, и ни слова не слышно от них*...

* Строки Десятого стихотворения из Девятнадцати древних стихотворений «Далеко, далеко в выси неба звезда Пастух...» в переводе Эйдлина Л.З. Ранее Юньци видел у Чжан Циня веер, расписанный его возлюбленной, и, когда тот назвал Лань Юя тестем, Юньци сложил 2+2.

— Осторожно! — крикнул Чжан Цинь.

Но было уже поздно. Из рукава Юньци выскользнул тонкий стальной лист, соединенный шелковой нитью тоньше волоса. Он легко обвился вокруг мощной руки Лань Юя.

Чжан Цинь взметнул меч, нанося удар по невидимой в воздухе нити.

Юньци лишь легко дернул рукой, и Лань Юй издал душераздирающий вопль. Его правая рука вместе с мечом была отсечена по запястью!

Стальной лист, описав в воздухе круг, с острым концом, сияющим кровью, скользнул навстречу мечу Чжан Циня. Раздался звонкий дзынь, и клинок Сючунь переломился надвое.

— ...Так это была старшая молодая госпожа из семьи Лань.

Юньци свел вместе указательный и средний пальцы, легким движением втянув меч Чань* обратно в рукав.

* Досл. «меч Крыло Цикады» (□□□).

Лань Юй завопил осипшим голосом, одной рукой сжимая окровавленное запястье, и в муках рухнул на землю. Лань Мо с криком бросилась к нему.

Чжан Цинь, сжимая в руке обломок меча, стоял с мертвенно бледным лицом. Спустя долгое время он тяжело, сдавленно вздохнул и швырнул клинок на землю.

— Меч живёт — живёт и его владелец, меч гибнет — гибнет и его владелец, Чжан Цинь.

Чжан Цинь разрыдался, упав на колени перед Юньци. Захлебываясь слезами, он вымолвил:

— Юньци... Ради нашего бывшего братства, Инхуэй просит тебя об одном...

Юньци стоял, сложив руки в рукавах, и молча слушал.

Чжан Цинь, зная, что смерти не миновать, отчаянно пополз вперед, обхватив ноги Сюй Юньци:

— Кто в грехе, тот и в ответе. Пожалуйста, не наказывай моих стариков-родителей! Убей меня, сбрось тело в ущелье. Молю тебя! Юньци!

Юньци вздохнул и, нахмурившись, произнес:

— А когда завтра император спросит, как просочилась новость, что мне отвечать?

— Чжан Цинь, твой минутный порыв теперь выйдет мне боком. Сегодня в Цзиньвэй не досчитаются одного человека, и я до сих пор не знаю, как выкрутиться. Боюсь, на этот раз даже я не смогу тебя прикрыть.

— Единственный выход сейчас — чтобы генерал Лань вернулся со мной. Если дело об измене... если обвинение в измене пересмотрят, тебе будет грозить разве что ссылка в армию.

Лань Юй широко раскрыл налитые кровью глаза и внезапно закричал:

— Небо и земля мне свидетели! Цзян Хуань вершит беззаконие*! Сюй Юньци, ты с Чжу Ди в сговоре оклеветал меня, а теперь хочешь, чтобы я стал призраком невинно убиенного! Есть ли у тебя совесть?! Как ты посмеешь после смерти предстать пред своими предками из рода Сюй, военачальников?!

* Досл. «одной рукой закрывать небо» (□□□□).

Услышав, что Лань Юй громко отругал за то, что происходило в последние дни, у Юньци волосы встали дыбом. Он отступил на несколько шагов, переглянулся с Чжан Цинем и выпалил:

— Лань Юй! Замолчи! Или я вырву тебе язык!

Лань Юй захохотал, словно безумец:

— Ты, жалкий прихвостень! Этот генерал жалеет лишь о том, что ошибся в тебе! Продолжай задира́ть голову и своевольничать, Сюй Юньци, и посмотрим, чем ты кончишь завтра!

Юньци мысленно вздрогнул и насмешливо произнёс:

— О чём это вы? Разве генерал Лань Юй умеет предсказывать судьбы*?

* Досл. «восемь [циклических] знаков (□□). Они служили для обозначения года, месяца, дня и часа рождения человека. Это астрологический концепт, согласно которому с помощью этих восьми знаков можно предсказать судьбу человека.

Лань Юй, преодолевая боль и тяжело дыша, сквозь зубы процедил:

— Думаешь, опираясь на императорского внука, это большое дерево, сможешь чинить произвол? Прежде чем Чжу Чунба* отправится в мир иной, он непременно казнит одного из ваших командиров Цзиньвэй...

* Чжу Чунба (□□□) — первоначальное имя императора Хуньбу, он родился крестьянином. Имя Чжу Юаньчжан ему дал Го Цзысин, главарь повстанцев, когда он впервые вступил в армию. Лань Юй знает это, потому что тоже служил вместе с Чжу Юаньчжаном в восстании Красных повязок против монгольской династии Юань. Называть императора по имени — огромное неуважение.

Юньци внутренне содрогнулся, вспомнив слова Цзян Хуаня:

В будущем, когда ты сможешь самостоятельно играть ведущую роль, то станешь командиром...

Юньци резко втянул воздух. Перед смертью Чжу Юаньчжан казнит Тоба Фэна, чтобы Цзиньвэй не вышли из-под контроля? Даже Цзян Хуань и Лань Юй это разглядели?

Чжан Цинь, в полном отчаянии, больше не взглянув на Юньци, опустил на колени рядом с Лань Мо. Они крепко обнялись и горько зарыдали.

Юньци произнёс с состраданием в голосе:

— Ладно, брат. Хватит плакать. Сними с себя фэйюйфу и отдай мне.

Чжан Цинь и Лань Юй, с заплаканными лицами, в недоумении смотрели на него. Юньци раздражённо добавил:

— Быстрее! Когда придет Лао Ба, будет уже поздно!

Произнеся это, Юньци вдруг ощутил, как из лесной чащи на него смотрят чьи-то глаза.

Чжан Цинь стал срывать с плеча форму фэйюйфу и дрожащими руками протянул её Юньци. Тот поднял сломанный меч Сючунь, свернул всё в узел и сказал:

— Уходите вдвоём. Забирай с собой молодую госпожу семьи Лань и спускайся с горы, живо.

Чжан Цинь наконец пришел в себя, поспешно подхватил Лань Мо и, пошатываясь, сделал несколько шагов. Лань Мо во весь голос вскрикнула:

— Отец!

Чжан Цинь взглянул на Юньци, и тот медленно покачал головой:

— Уходите быстрее.

Обхватив Лань Мо, Чжан Цинь, не обращая внимания на её громкий плач, стремительно бросился вниз по горной тропе.

У подножия горы Цзыцзинь раскинулась река Циньхуай, сверкающая бескрайней золотой чешуей, а на востоке медленно поднималось солнце.

Кроваво-красное зарево залило глушь. Обогнув горный склон, Юньци проводил взглядом Чжан Циня и Лань Мо, чьи фигуры превратились в чёрные точки и исчезли у подножия горы. Лишь тогда он произнёс:

— Ши-гэ, прошу, не преследуй их.

Тоба Фэн, держа в руке свёрток, весь в крови, услышал слова Юньци и вышел из кустов.

Он на мгновение замер, поднёс руку к уху, прижал мочку, отпустил и ответил:

— Ага.

Затем он швырнул свёрток на землю, и голова Закура покати́лась к ногам Лань Юя.

— Почему не оставил целое тело? — спросил Юньци. — Зачем отрубил голову?

Тоба Фэн равнодушно ответил:

— По неосторожности взял и изрубил этого бойца номер один... Когда я пользуюсь парными мечами, то не могу вовремя остановиться.

Юньци улыбнулся:

— Теперь ты боец номер один.

Тоба Фэн скромно кивнул, достал из-за пазухи сигнальную ракету и чиркнув огнём, зажёл её.

Их быстро отыскали Цзиньвэй, и Лань Юй был арестован.

Осенью двадцать пятого года правления Хунь Цзян Хуань тайно доложил о заговоре Лань Юя, сообщив, что тот планирует захватить императора во время инспекционной поездки. Получив донос, Чжу Юаньчжан приказал Цзиньвэй произвести арест Лань Юя. В ту же ночь тот в панике бежал, но был пойман на горе Цзыцзинь.

Цзиньвэй направили пятьдесят человек. Из них более десяти получили лёгкие ранения, а один был убит.

Чжан Цинь, единственный сын левого заместителя Министра обрядов, в схватке с Закуром сорвался в бездонную пропасть, и от него не осталось даже костей.

После поимки Лань Юя его дочь Лань Мо, страшась наказания, бросилась со скалы.

— Это самоубийство во имя любви? — спросил Чжу Юньвэнь. — В городе говорят, что Мо Мо и Цинь-гэ дружили с детства...

— Ты слишком много знаешь.

Юньци бросил взгляд на Чжу Юньвэня с приподнятым уголком рта. Он обмакнул кисть в тушь и развернул докладную записку.

Чжу Юньвэнь недовольно воскликнул:

— Юньгэ-эр! Он же был твоим братом!

Юньци спокойно ответил:

— Да не погиб он. Я их отпустил. Только, ради всего святого, не проболтайся, иначе одной моей головы за это мало будет.

Лишь тогда Чжу Юньвэнь облегчённо выдохнул:

— Я знал, что ты не такой бессердечный.

Юньци вздохнул и с упрёком произнёс:

— Как же ты будешь править с таким-то характером?

Чжу Юньвэнь рассмеялся, и Юньци спросил:

— У тебя есть враги?

Чжу Юньвэнь в недоумении покачал головой:

— Враги?

Юньци продолжил:

— Сейчас составляю список сообщников. Если захочешь кого убрать, я его добавлю. Может, Великого воспитателя Хуана припишем? Заодно казнят и его?

Чжу Юньвэнь смертельно побледнел и в ужасе замахал руками:

— Да как же можно?!

Юньци кивнул, на мгновение задумался, а затем деловито дописал в конце доклада два слова: Суй Муда.

Три дня спустя дело Лань Юя о государственной измене было закрыто, и он был приговорен к истреблению родственников до девятого колена. Под удар попали все — от гунов и хоу* до

гражданских и военных чиновников, к ответственности были привлечены даже Шесть министерств, в особенности Военное министерство. Чжу Юаньчжан издал указ, высочайше объявляющий об этом всей Поднебесной, который получил название «Список мятежных сановников».

* Гуны и хоу (匈奴) — владетельные особы высших рангов. Пять степеней знатности: гун, хоу, бо, цзы, нань.

Военного министра Ци Кояня казнили через разрубание по пояснице на городской площади. Бывшего полевого командира Северных рубежей Сюй Муда лишили звания и сослали в армию простым солдатом.

Дело вовлекло двадцать тысяч человек и вошло в историю вместе с делом Ху Вэйюна под названием «Двойной процесс Ху и Ланя». Чжу Юаньчжан вычистил всех людей, внесших огромный вклад в основание династии, а при виде Цзиньвэй чиновники при дворе пресмыкались до крайности.

Родным Чжан Циня передали изорванное в клочья окровавленное фэйюйфу, и они зашлись плачем. Тоба Фэн достал дарованную императором железную жалованную грамоту* и лично вручил её левому заместителю Министра обрядов. Тот стоял, горестно вздыхая.

* Железная жалованная грамота (符) — в металлическом футляре, давала право на амнистию владельцу и его потомкам.

Эта железная грамота была золотой пайзой, освобождающей от наказаний, которую Чжу Юаньчжан пожаловал престарелому левому заместителю министра в утешение за гибель единственного сына на службе империи.

Заместитель министра поместил железную жалованную грамоту в главном зале, тем самым прославив своих предков.

Юньци наступил Тоба Фэну на ногу, и лишь тогда насмешливая ухмылка невольно сошла с его лица.

Командир и заместитель командира Цзиньвэй, покинув дом заместителя министра, пешком возвращались во дворец.

В последнее время Юньци беспрестанно размышлял о словах Лань Юя. То, что он сказал, не было преднамеренным запугиванием. Судя по высказываниям Цзян Хуаня и самого Лань Юя, все придворные единодушно считали, что власть Цзиньвэй разрослась до угрожающих масштабов.

Чтобы обеспечить, что после смерти Чжу Юаньчжана Чжу Юньвэнь сможет обуздать

Цзиньивэй, гражданские и военные чиновники наверняка подадут жалобы с требованием упразднить одну из должностей. Более того, наскоро состряпав обвинение, они приговорят к казни человека, смещённого с поста, в назидание его преемнику.

Мао Сян, в своё время обладавший огромной властью, стал наглядным примером. Когда дело Ху Вэйюна вышло из-под контроля, почти сотня советников преклонила колени перед дворцом, и Чжу Юаньчжану пришлось казнить Мао Сяна, дабы усмирить гнев народа.

Если ситуация примет наихудший оборот и Чжу Юньчжан захочет казнить Тоба Фэна, как мне следует просить о пощаде, чтобы спасти ему жизнь?

Иными словами, если казнят его самого, станет ли Тоба Фэн...

— Чего уставился? — бесстрастно спросил Тоба Фэн. — Целый день на меня пялишься.

«...»

Юньци нахмурился и покачал головой. Тоба Фэн беспечно оперся о дворцовую ограду, прижав его к стене:

— Соскучился по ши-гэ?

Юньци рассеянно провёл пальцем по красивому лицу Тоба Фэна:

— Сколько ты скопил серебра?

Тот тут же отстранил его руку и направился во дворец.

Тоба Фэн удивился и спросил:

— Разве не ты заведешь деньгами?

Юньци понял, что осёкся, и ответил:

— Если считать вместе с нынешней наградой, должно быть, у нас около ста двадцати лянов.

Он направился во внутренний двор Цзиньивэй:

— Забирай все сто двадцать лянов и уходи в отставку.

Тоба Фэн мгновенно оживился. Широкими шагами он догнал Юньци, развернулся и пошел перед ним задом наперёд, со смехом произнеся:

— Хочешь подать в отставку?

Юньци раздражённо буркнул:

— Не я хочу подать в отставку, а ты должен. Возвращайся домой и найти себе жену.

Тоба Фэн растерянно уставился на него:

— О чём это ты?

Продолжая идти, Юньци проговорил:

— Я боюсь... что тебе грозит опасность. Уезжай первым, а через несколько лет, когда императорский внук взойдёт на трон, вернись и я. Потом купим два дома рядом, станем соседями...

Тоба Фэн слегка нахмурился и спросил:

— Домой? К кому домой?

Юньци остановился, вспомнив, что Тоба Фэн — сирота. Даже если он вернется к реке Керулен, там теперь лишь голая степь.

Они вошли в огромный двор. В тот момент все парни собрались снаружи и кучковались в углу, неведомо над чем шумя.

Нежно светило теплое осеннее солнце, земля была усыпана листьями платана. Несколько десятков роскошно одетых телохранителей галдели, смеясь и выкрикивая:

— Хэй-йо! Хэй-йо!

Сборище стражей толкало кого-то в угол двора тесной толпой, буквально зажав человека в самом краю.

Жизнь во дворце была крайне скучной, и неизвестно с каких времен, когда одолевала невыносимая тоска, а силы было девать некуда, стражи начали от нечего делать хватать первого попавшегося человека, припирать к дворцовой стене, наваливаться гурьбой, звать приятелей и играть в дурацкую игру под названием «Хэй-йо», смысл которой заключался в том,

чтобы давить человека.

Молодые и горячие кровью стражи, скандируя «Хэй-йо, хэй-йо», изо всех сил теснили одного человека всей толпой и не отставали, пока не наиграются вдоволь.

Юньци и Тоба Фэн, с детства поступившие стражами во дворец, разумеется, сталкивались с «Хэй-йо» с малых лет. Из всех мужчин во дворце лишь Чжу Юаньчжана никто не смел схватить для «Хэй-йо». Даже внук императора Чжу Юньвэнь не раз оказывался в этой давке.

Самым грандиозным представлением стало, пожалуй, когда сотня стражников обрушилась на Великого воспитателя Хуан Цзычэна и вдавила его настолько, что с него слетел головной убор, обувь разболталась, он обмочился, и его одежда оказалась в полном беспорядке — это было поистине беспрецедентное зрелище.

С тех пор, едва завидев во дворце троих стражников, идущих в обнимку, Хуан Цзычэн благоразумно сворачивал в сторону.

Юньци сделал вид, что не замечает буйной компании, и вместе с Тоба Фэном вошёл во двор, более не возвращаясь к прежнему разговору.

Пострадавших хватало, и никто не был настолько мелочен, чтобы жаловаться Чжу Юаньчжану. Только вот неведомо, кто же на сей раз был тем несчастным, кого зажали в углу.

Юньци вошёл в комнату, а за окном не умолкали крики «хэй-йо, хэй-йо».

Он притащил стул и устроился под навесом крыши, чтобы погреться на солнышке. Тоба Фэн присел на корточки рядом и спросил:

— Что за опасность?

Юньци вдруг всё понял и рассмеялся:

— Никакой опасности. Пока мы друг у друга опора, ты не пропадёшь.

Услышав это, Тоба Фэн будто расцвёл на глазах. Он громко крикнул «Верно!», взметнул полы халата и с улыбкой врезался в толпу стражников, восклицая:

— Хэй-йо!

Юньци не знал, смеяться или плакать, покачал головой, поднялся и ушёл в комнату пересчитывать деньги.

— Хэй-йо! Хэй-йо!

Как только Тоба Фэн присоединился, стражи распались ещё сильнее, решив попросту раздавить того человека в углу.

Юньци, пересчитав деньги, вышел и увидел, что стражи всё ещё орут «Хэй-йо!».

Он мгновенно оцетинился, рявкнув:

— Кого вы там хэй-яокаете? Еще не закончили? Уже полшичэня прошло!

Тоба Фэн с самодовольной ухмылкой, развернувшись боком к Юньци, поманил его рукой и с удвоенной силой вжался в толпу, крича во всё горло:

— Хэй-йо-о-о!

«...»

Юньци яростно взревел:

— Командир Тоба! Разгоните их! Ещё немного «Хэй-йо», и они прикончат человека!

Тоба Фэн потянул себя за ухо и с улыбкой прокричал в ответ:

— Ещё чуть-чуть!

Стиснув зубы, Юньци развернулся и скрылся в комнате. Через мгновение он вышел, держа в руках драгоценность, озаренную золотым сиянием, длиной в три чи и два цуня. С нарочито деловым видом он провозгласил:

— У меня в руках Императорский меч! Живо разойдитесь! Этот шум сводит меня с ума! Дайте же поспать после обеда!

Этим предметом был церемониальный Императорский меч, дарованный Чжу Юаньчжаном командиру Цзиньвэй. Увидев, что Юньци достал соленую рыбу*, Тоба Фэн засуетился:

— Беда, беда! Расходимся!

* Вероятно, отсылка на идиому «соленая рыба ожила» (咸鱼翻身), обр. в безнадежном деле произошёл разкий разворот.

Лишь тогда стражи с хохотом разбежались. Юньци, всё ещё держа Императорский меч, в недоумении взглянул на того, кого теснили в углу.

Мужчине было лет тридцать с небольшим, и он был одет в алую шёлковую одежду, украшенную узором с Таоте*. Полуживой от давки, он прохрипел:

— Твою мать! Кто первый начал?! Небось, парнишка из семьи Жун?! Этот принц тебе покажет!

* Таоте (□□) — пятый сын дракона, мифологическое чудовище, свирепое и прожорливое.

У Юньци челюсть отвисла.

Мужчина подобрал чёрный сапог, подскочив на одной ноге, и, надевая его, простонал с кислым выражением лица:

— Дорогой мой шурин, твой зять чуть не помер в этой давке, но хоть смог тебя увидеть.

У Юньци закатились глаза, и он рухнул без чувств.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326068>